

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Василенко Ю.В. Королевский статут Ф. Мартинеса де ла Росы и становление нового порядка в Испании в первой половине XIX века // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2018. Т. 18, вып. 2, с. 55–68.

УДК 329.11:329.3

DOI 10.17506/ryipl.2016.18.2.5568

КОРОЛЕВСКИЙ СТАТУТ Ф. МАРТИНЕСА ДЕ ЛА РОСЫ И СТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО ПОРЯДКА В ИСПАНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Юрий Владимирович Василенко

кандидат философских наук,

доцент кафедры гуманитарных дисциплин

Национально-исследовательского университета

«Высшая школа экономики»-Пермь,

г. Пермь, Россия. E-mail: yuvasil@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-7865-6497

Материал поступил в редколлегию 19.12.2017 г.

Становление Нового – либерально-буржуазного – порядка в Испании растянулось почти на полтора столетия, пережив множество «взлетов и падений». Важной вехой в этом процессе является Королевский статут, написанный выдающимся либеральным консервативом первой половины XIX в. Ф. Мартинесом де ла Росой. Стремясь гармонизировать либеральную Свободу и традиционалистский Порядок, Мартинес занимает позицию между леворадикальными либералами (прогрессистами) и традиционалистами. Однако в условиях либерально-буржуазной революции и первой карлистской войны устойчивый политико-идеологический консенсус между революционерами и консервативными реакционерами оказывается невозможным. Стараясь обеспечить выживаемость декларируемой конституционной монархии, Мартинес был вынужден пойти на тактический союз с умеренными традиционалистами, что

вызвало в его адрес шквал критики слева. Разбалансировка политической системы привела к отмене Королевского статута и новому революционному циклу, в котором Мартнес занимает уже определенно консервативную позицию.

Ключевые слова: Королевский статут, либеральный консерватизм, Мартинес де ла Роса, Испания XIX в.

Становление Нового порядка, о какой бы эпохе ни шла речь, всегда требует определенного политико-институционального оформления. В истории западной цивилизации со времен римского права политико-институциональный порядок – это еще и юридический вопрос. На уровне формальной логики может быть три подхода к подобного рода оформлению: 1) революционный, порывающий полностью с прошлым; 2) антиреволюционный (или традиционалистский), настаивающий на воспроизводстве (или реставрации после победы над революцией) традиционных политических институтов; 3) центристский, занимающий компромиссную позицию между двумя обозначенными по формуле «Традиция и Инновация». При этом наибольшей степени накала достигает борьба между революционерами и традиционалистами, принимая иногда формы прямого вооруженного противостояния. Центристский же проект на их фоне обладает наибольшей спецификой и уязвимостью, поскольку подвергается нападкам одновременно с обеих сторон; центристами недовольны и революционеры, считающие центристов традиционалистами; и традиционалисты, считающие центристов революционерами. При этом в рамках самого центристского проекта может содержаться множество вариаций в зависимости от той или иной склонности его авторов к Традиции или Инновации и соответственно идейно-ценностной близости к традиционалистам или революционерам. Из подобного сплава в XIX в. вырастает постепенно то явление, которое в дальнейшем все с большей определенностью, даже за пределами англосаксонского мира, начинает называться «либеральным консерватизмом».

Если же в качестве предмета нашего исследования мы возьмем испанский кейс, аргументируя наш выбор общей социально-экономической отсталостью Испании и крайне медленным развитием в этой стране в XIX–XX вв. модернизационных процессов, то, как представляется, идеально-типическим центристским политико-институциональным проектом будет Королевский статут, написанный в 1834 г. авторским коллективом во главе с Ф. Мартинесом де ла Роса. Исторически данный документ претендовал на то, чтобы стать главной альтернативой Кадисской – классической либерально-буржуазной – Конституции 1812 г., и во многом предопределил специфику всего переходного периода в Испании от Старого порядка к Новому как либерально-буржуазному.

Уроженец Гранады Франсиско де Паула Мартинес де ла Роса Бердехо Гомес-и-Арройо (1787–1862), вошедший в историю Испании не только как политик и дипломат, но и как поэт и драматург (Плавский 1978: 162-167; Martínez de la Rosa 1835; Menéndez y Pelayo 1882; Seco Serrano 1962), является выдающимся представителем центристской фракции либерально-консервативного крыла партии «модерадос» («умеренных либералов») и

во многих отношениях одним из ярчайших олицетворений всей испанской политики первой половины XIX в. со всеми ее противоречиями. Начав свою политическую карьеру почти под самым занавесом Кадисских кортесов (в 1813 г.) в рядах так называемых «либеральных патриотов», отказавшихся сотрудничать с французскими оккупантами, Мартинес уже во времена «либерального трехлетия» (1820–1823) становится Председателем правительства; он один из первых представителей своего поколения «досеанистов» («либералов 1812 года»), старавшихся наладить конструктивные отношения с преследовавшим либералов королем-традиционалистом Фернандо VII, на тот момент вынужденным лавировать между либерально-буржуазной революцией и традиционалистской реакцией. Вернувшись после смерти короля из очередной ссылки, Мартинес как автор Королевского статута превращается в Испании в одного из главных архитекторов Нового порядка, обеспечивая на ближайшую историческую перспективу относительную устойчивость и стабильность переходного политического режима во главе с королевой-регентшей Марией Кристиной. Сотрудничая в дальнейшем долгие годы с генералом Р.М. Нарваэсом-и-Кампосом в качестве его ближайшего советника, Мартинес – подобно Ф.П.Г. Гизо во Франции – посредством установления «либеральной диктатуры» пытается предотвратить наступление либерально-буржуазной революции 1848–1849 гг., но по мере усиления «протоавторитарных» тенденций в политике своего «шефа» порывает с ним. Сместившись несколько влево, Мартинес в конце своей жизни оказывается в рядах новой парламентской коалиции – в центристском «Либеральном союзе» во главе с генералом Л. О`Доннелем-и-Хорисом, – коалиции, представителям которой в течение почти целого десятилетия (вторая половина 1850-х – начало 1860-х гг.) удавалось относительно успешно реализовывать компромиссные идеи, взгляды и ценности, сформулированные на тот момент одновременно несколькими политическими силами: слева – разочаровавшимися после нескольких неудачных попыток революционных выступлений леворадикальными либералами (прогрессистами), а справа – представителями левой фракции либерально-консервативного крыла партии «модерадос» во главе с их бессменным лидером Х.Ф. Пачеко-и-Гутиерресом Кальдероном.

В середине 1830-х гг. в Испании разворачивается борьба за либеральный «бренд», в результате чего само понятие «либерализм» начинает приобретать все большее количество взаимно пересекающихся и плохо совместимых смыслов: от радикальной, революционной, версии, из которой в дальнейшем вырастет уже социал-демократия, до консервативной, реакционной, на основе которой постепенно будет складываться либеральный консерватизм, или, аутентично, «умеренный либерализм». В этом политико-идеологическом контексте Мартинес, который еще в 1823–1833 гг., находясь по указу Фернандо VII в очередной ссылке, начал работать над доктриной, аналогичной зарождающемуся в те годы в Великобритании и Франции классическому либеральному консерватизму, адаптируя идеи, взгляды и ценности английских либералов и французских «либеральных доктринеров» к испанскому материалу (Díez del Corral 1973: 506-519) (в 1835 г.

эта работа начнет издаваться под общим названием «Дух века» (Martínez de la Rosa 1835)), был, по словам современного испанского историка-конституционалиста из Автономного университета Мадрида Х. Про Руиса, главного представителя левой (социал-демократической) историографии в данном вопросе, «одним из наиболее выдающихся представителей того постреволюционного либерализма, которому сейчас предоставлялась возможность реализовать свой проект в Испании» (Pro Ruiz 2010: 22).

В итоге в 1834 г. – во второй раз в своей жизни – Мартинес становится Председателем правительства. Проблем на тот момент в Испании было более чем достаточно; как пишет выдающийся немецкий историк-испанист первой половины XX в. Э. Шрамм, «хозяйство было в разладе, армия деморализована, а народ истерзан разногласиями и гражданской войной» (Schramm 1936: 62). Подходя к решению всех этих проблем, Мартинес прямо следует логике, изложенной им в «Духе века», и в обычной для себя манере решает руководствоваться английскими и французскими образцами, повторяя, насколько это возможно, опыт пришедшей в 1830 г. к власти орлеанской династии.

Основной смысл деятельности Мартинеса как политического практика в 1830-е гг. будет заключаться в том, чтобы, по его словам, «защитить Свободу и Трон» (Pérez de la Blanca Sales 2005: 267), в то время как традиционалисты предпочитали защищать Трон, а прогрессисты – Свободу. При этом вооруженное восстание карлистов как потенциально праворадикальных консерваторов стало главной внутривнутриполитической проблемой, с которой столкнулся Мартинес на своем посту, поскольку сторонники дона Карлоса собрали под свои знамена большую часть политически активного традиционалистского лагеря и поставили под угрозу все и без того незначительные на тот момент завоевания либерально-буржуазной революции.

Главным же инструментом в деле построения Нового порядка становится для Мартинеса документ под названием «Королевский статут о созыве Генеральных кортесов Королевства» (Estatuto Real de 1834). Пятистраничный текст статута, написанного Мартинесом (если верить Про Руису, который следует за выдающимся испанским консервативным историком первой половины XIX в. Ф. Кабальеро-и-Моргаэсом (Caballero 1837: XIII)) совместно с его министрами Ф.Х. де Бургосом-и-дель Ольмо и Н.М. Гарелли-и-Баттифором (Pro Ruiz 2010: 24-25) и дарованного королевой-регентшей Марией Кристиной 10 апреля 1834 г., будет действовать всего лишь два года, выполняя функции своеобразной «Недоконституции» или «Протоконституции» (политический кризис 1836 г., спровоцированный армейскими выступлениями в Ла Гранхе, летней резиденции испанских королей, находящейся в 80 км к северу от Мадрида, заставит королеву-регентшу пойти на уступки восставшим и первоначально вновь ввести в действие либеральную Конституцию 1812 г., а затем и принять написанную под диктовку прогрессистов ее несколько переработанную версию – Конституцию 1837 г.). Политико-идеологический характер Королевского статута становится понятным уже из его оценок в историографии: в то время как современный социал-демократ Про Руис называет его «сомнительным сюжетом испан-

ской конституционной истории» (Pro Ruiz 2010: 19), главный критик Мартинеса в лагере традиционалистов Х.Л. Бальмес-и-Урпия упоминает его наравне с другими испанскими Конституциями (Balmes 1926b: 25, 77) и называет «фундаментальным законом» (Balmes 1926b: 75), хотя иногда и отказывается от своего определения (Balmes 1926b: 67).

Королевский статут становится вершиной деятельности Мартинеса как политического идеолога и политического практика зарождающегося в Испании либерального консерватизма. Как пишет выдающийся современный испанский историк К. Секо Серрано, «транзакционистская платформа, артикулированная Мартинесом де ла Роса в его знаменитом Статуте, <была> первой попыткой равновесия между традицией и революцией» (Seco Serrano 1973: 11). Благодаря Королевскому статуту Мартинес войдет в историю в качестве одного из первых лиц испанской политики середины XIX в.; по содержанию Статута будут судить о его идеях, взглядах и ценностях не только современники (Balmes 1926b: 90), но и на протяжении всех последующих столетий (Sosa 1930: 156).

Основная идея Королевского статута заключалась в том, чтобы по возможности гармонично соединить хотя бы находящиеся на тот момент в центре политико-идеологического спектра традиционалистские (защита Алтаря и Трона и сохранение значительного большинства их средневековых привилегий) и либерально-консервативные (с их довольно ограниченным на тот момент участием крупной буржуазии и обуржуазивающейся аристократии в парламентской деятельности) представления о политической системе, догматично исповедуемые сторонниками обеих политических идеологий. При этом Мартинес должен был сделать это так, чтобы удовлетворить по возможности еще и радикалов: прогрессистов слева и карлистов справа, с тем чтобы первые отказались от продолжения революции, а вторые – от вооруженной реакции. Как написал Про Руис, Мартинес должен был «создать текст, который обновил бы мифическую Кадисскую Конституцию и позволил институционализировать режим, приемлемый в равной степени как для либералов, так и для <консерваторов> двора Марии Кристины» (Pro Ruiz 2010: 22).

Содержательно же Королевский статут сводился к следующему. Внешне новые Кортесы задумывались англофилом Мартинесом на английский манер как состоящие из двух палат, однако внутри они имели значительное, хотя и не полное сходство со средневековыми сословно-представительными учреждениями Испании, поскольку были модифицированы в соответствии с испанской политической традицией, представленной в трудах выдающегося испанского специалиста по истории средневековых Кортесов Ф.Х. Мартинеса Марины (Martínez Marina 1813). Так, в Верхней палате под названием «Сословие вельмож королевства» должны были заседать назначаемые королем представители высшего духовенства, гранды Испании, титулованная знать, генералы и адмиралы, крупные земельные собственники и выдающиеся представители среднего сословия (Estatuto Real de 1834). Недостаточно традиционалистский «дух» этих «вельмож», явно разбавленный либеральной буржуазией, заставляет Бальмеса обратиться на эту Палату

особое и довольно критическое внимание (Balmes 1926b: 87-140); притом что сама по себе «необходимость собрания епископов в Верхней Палате является (по мнению традиционалиста. – Ю.В.) в Испании необходимостью неоспоримой» (Balmes 1926b: 107). В свою очередь Нижняя палата – «Словие представителей» – предназначалась для представителей крупной буржуазии и состоятельных городских профессионалов как среднего, с точки зрения Мартинеса, класса (для Бальмеса же – «аристократов нового поколения» (Balmes 1926b: 128)), избираемых в ходе открытой процедуры, но при условии соответствия определенному имущественному цензу (6 тыс. реалов годового дохода) (Estatuto Real de 1834). Всего же, что крайне показательно для общеконсервативного духа Статута, в выборах могло принять участие лишь 16 тысяч человек из 12 миллионов, то есть менее 0,15% населения Испании.

Принципиальное различие между двумя Палатами, с точки зрения Бальмеса, заключалось в том, что в Верхней заседают «мудрые и добродетельные», а в Нижней – «наиболее гибкие» (Balmes 1926b: 110). Между тем данное сочетание средневековых социальных групп, исповедующих традиционалистские идеи, взгляды и ценности, с новыми, потенциально и собственно либерально-буржуазными, и было призвано обеспечить равновесие в политическом представительстве Испании, то есть создать подлинную систему сдержек и противовесов и, соответственно, то, что в дальнейшем будет названо либерально-консервативным консенсусом, основанным «на (в понятиях Бальмеса. – Ю.В.) выборе между послушанием Богу и послушанием людям» (Balmes 1926b: 111).

Идя навстречу традиционалистам, Мартинес ограничил обе Палаты в законодательных инициативах: они «могли лишь размышлять о делах, которые им предложит Корона» (Pérez de la Blanca Sales 2005: 285). При этом, подобно средневековым Кортесам, обе Палаты должны были собираться в том городе, в котором им укажет король, и имели наибольшие полномочия лишь в вопросах налогообложения (Estatuto Real de 1834). Во всех остальных случаях (монополия на законодательную инициативу, созыв и роспуск Кортесов, право накладывать вето на принятые законы, назначение членов Верхней палаты, выбор председателей обеих Палат) последнее слово также всегда оставалось за королем. Председатель правительства и все министры также назначались и отправлялись в отставку исключительно королем (Estatuto Real de 1834). Смягчать данный «протоавторитаризм» было призвано лишь взаимное доверие между королем и членами обеих Палат.

В итоге монархия становилась, а точнее говоря, оставалась главным политическим институтом Испании, обладающим, по факту, всей полнотой власти. Определить характер этой монархии – клерикально-абсолютистская или конституционная – достаточно сложно, тем более что она не являлась в чистом виде ни тем, ни другим. Речь, скорее, идет о некоей переходной форме между ними, что, однако, вполне укладывалось в логику либерально-консервативного консенсуса середины 1830-х гг. Поверхностный же «налет» либерально-буржуазного парламентаризма, довольно неудачно, по мнению Бальмеса, списанного Мартинесом с английской модели (Balmes

1926b: 121-123), послужил лишь прозрачной ширмой для средневекового абсолютизма, стремившегося обеспечить себе исторический континуитет под личиной умеренного либерализма. При этом Бальмес пошел в своей критике еще дальше, обвинив авторов Королевского статута со ссылкой на Мартинеса Марину в том, что они вообще не собирались воссоздавать в Испании английский парламентаризм; их идея была «всего лишь восстановить древние фундаментальные законы» (Balmes 1926b: 131), то есть вернуться в классическое Средневековье, что в конечном итоге выставляло Мартинеса как либерального консерватора вообще в довольно странном свете.

В рамках политико-институциональной модели Королевского статута Мартинес предлагал либеральной буржуазии, по существу, следующую альтернативу. Либо (предпочтительный вариант) сплотиться вокруг «полуконституционной» монархии вообще и фигуры Марии Кристины в частности, то есть выступить пусть даже относительно единым фронтом против карлистов справа, которые изначально отвергали какие-либо социально-политические инновации Нового порядка, и прогрессистов слева. Зная неоднозначную позицию испанской буржуазии в оценке наиболее предпочтительной модели политического развития, мы можем утверждать, что данная альтернатива лишь раскалывала социально-политическую опору Мартинеса как минимум на два лагеря: крупная и частично средняя уходила вправо, то есть в партию «модерадос», а мелкая и частично средняя – влево (в партию прогрессистов). При этом оптимисты из партии «модерадос», жаждущие, как пишет Бальмес, «столь демократического и уравнивающего духа века» (Balmes 1926b: 122), позаимствованного Мартинесом, с одной стороны, в Великобритании (Balmes 1926b: 122), а с другой – из «законов и обычаев других эпох» (Balmes 1926b: 89), могли надеяться на постепенную либерализацию политической системы в пока неопределенном будущем. Либо (вариант, абсолютно неприемлемый для Мартинеса как либерального консерватора) – для тех, кто не мог или не умел ждать, – полностью уйти в либерально-буржуазную революцию и, разрушив насильственными методами существующую политическую систему, постараться построить в Испании новую, пусть и неопределенно на тот момент, какую. В исторической перспективе оба крыла партии «модерадос» (и либерально-консервативное, и традиционалистское), а к концу XIX в. и отказавшиеся от прямого политического насилия умеренные карлисты (традиционалисты) выбрали первый вариант; прогрессисты же и выросшие на их основе к концу XIX в. социал-демократы – второй.

В итоге Мартинес постоянно должен был выступать в двух качествах: как политический идеолог либерального консерватизма и как политический практик при испанском королевском дворе, где хозяйничают более или менее умеренные сторонники Старого порядка. В первом случае Мартинес вынашивает по существу революционные планы по преобразованию всей общественной жизни, однако призывает реализовывать их постепенно, без резких скачков и прямого политического насилия; во втором он склонен соглашаться с умеренными традиционалистами, но исподволь пытается их повести по пути либерально-буржуазной модернизации. В этом контексте

совсем неудивительно, что после принятия Королевского статута в испанском общественном мнении Мартинес приобретает имидж «либерала, который боится свободы» (Pérez de la Blanca Sales 2005: 288), а официальная «Газета Мадрида», в которой был опубликован текст Статута, прямо называет принципы, изложенные в нем, «консервативными» (Pérez de la Blanca Sales 2005: 288). В итоге «уже через несколько месяцев его (Статута. – Ю.В.) автор был назван деспотом и сервильным роялистом» (Balmes 1926a: 350).

Критика Королевского статута со стороны испанских политиков была во многом ожидаемой. Так, справа традиционалисты, собравшиеся в Правительственном Совете во главе с Н. де Эредией-и-Бехинесом де лос Риосом, графом де Офалия и принявшие непосредственное участие в обсуждении документа, ожидаемо потребовали обеспечить исторический континуитет с политическими институтами Старого порядка. Защищая интересы Испанской католической церкви, высшей аристократии, генералитета и магистратов, они выступили против превращения документа в подлинную Конституцию (Pro Ruiz 2010: 29-39). Беспокорство традиционалистов предельно точно, на наш взгляд, выразил Бальмес, написав в 1840 г. следующее: «Со Статутом верифицировались происходящие политические изменения; и очень тяжелые, и очень радикальные» (Balmes 1925a: 34). Как «политический социолог» Бальмес увидел, что в Статуте выражаются интересы революционно настроенных социальных низов, к которым, с точки зрения испанской аристократии, принадлежали не только собственно низы, но и все представители либеральной буржуазии вне зависимости от масштабов имеющегося у них капитала.

Сам Бальмес критике Королевского статута уделяет очень много внимания; едва ли какой-либо еще политико-институциональный «проект» (за исключением, естественно, испанских Конституций 1837 и 1845 гг.) этот традиционалист анализировал столь же тщательно, что прямо подтверждает историческое значение этого документа. В частности, к «очень тяжким дефектам» Статута Бальмес относит следующие: выборность депутатов от епископата (Balmes 1926b: 92-93), возможность потери «вельможей» пожизненного достоинства вследствие судебного решения (Balmes 1926b: 93-94), не очень большой возраст (25 лет) и маленькую ренту (200 000 реалов) «вельмож» (Balmes 1926b: 95-97), не определенное заранее количество членов «Сословия вельмож» (Balmes 1926b: 97-99) и крайне широкие критерии для включения в Верхнюю палату незнатных членов, фактически – представителей активно формирующейся крупной буржуазии («личные заслуги и соответствующие обстоятельства») (Balmes 1926b: 99-100). В целом же Мартинес, по мнению Бальмеса, не обеспечивает того «великого блага», на котором для него как традиционалиста крепко стоял весь Старый порядок: «нация конституируется на религии и монархии» (Balmes 1926b: 99). И если в первом случае «безбожность» Мартинеса как либерала является типично традиционалистской оценкой, вопреки неоднократно публично декларированному католицизму, то во втором мы видим, что традиционалисты воспринимают политическую систему Статута, при всех ее ограничениях, как конституционно-монархическую. В идейно-ценностном плане главная

претензия Бальмеса заключается в том, что Мартинес заменяет традиционалистские «Алтарь и Трон» на либерально-консервативные «Свободу и Порядок» (Balmes 1926b: 97-100).

Одновременно – в плане критики слева – прогрессисты потребовали от Мартинеса прямо противоположных действий: усиления либерально-буржуазных свобод, а непосредственно как минимум буквального воспроизводства всего текста Конституции 1812 г. Как пишет Бальмес, «революционеры обвинили их (авторов Королевского статута. – Ю.В.) в предательстве дела свободы» (Balmes 1925b: 234). Так, автор преамбулы к Конституции 1812 г. «Божественный» А. де Аргуэльес Альварес, когда узнал о содержании Статута, воскликнул: «Какое вероотступничество!» (Sosa 1930: 154). Статут показался «системой ультрарестриктивной» (Vorrego 2007: 181) и некоторым представителям левой фракции либерально-консервативного крыла партии «модерадос»; так, А. Боррего Морено утверждал, что «система сеньора Мартинеса де ла Роса является сущностно консервативной, поскольку предполагает использование силы для сдерживания революции и победы над карлизмом» (Vorrego 2007: 83).

«Мартинес де ла Роса, – заключает испанский историк первой половины XX в. Л. де Соса, – продукт эклектический, переходный между двумя противоположными эпохами, был либо притесняем, поскольку казался опасным, абсолютистским правительством, либо оценивался как бесполезный со стороны экзальтированных сторонников либерализма» (Sosa 1930: 10). Тот факт, что Мартинес так и не предпринял ни одной попытки хоть как-то усовершенствовать Королевский статут, говорит не столько о том, что лично он остался документом доволен, сколько о том, что любые попытки усовершенствовать этот проект неизбежно были обречены на неудачу, поскольку хрупкое равновесие между либералами и традиционалистами разрушалось при первом же прикосновении к предложенной им политико-институциональной конструкции. Впрочем, на уровне принципа сам Мартинес дальнейшего совершенствования Статута совсем не исключал: «Цемент заложен, воздвигайте здание» (Balmes 126a: 355), – говорил он депутатам воссозданного им Парламента. Другое дело, что задача, которая, по мнению критиков Статута с обоих флангов, легко решалась в теории, на практике оказывалась неразрешимой: «Теоретическое совершенствование фундаментального закона испанской монархии, – пишет Соса, – не опиралось на наши обычаи и не основывалось на коллективной потребности» (Sosa 1930: 73). В той или иной степени все политические силы в Испании на всем протяжении 1830-х гг. продолжали выступать за бескомпромиссное противостояние друг с другом, ведя к тому времени уже настоящую – первую карлистскую – войну; Мартинес же, оказавшись, как пишет Бальмес, «к сожалению (для себя. – Ю.В.), в первых рядах борьбы» (Balmes 1926b: 90) и стараясь изначально прийти хотя бы к всеобщему политико-институциональному, если не политико-идеологическому, консенсусу, с принятием Статута лишь обострил критические выпады в свой адрес. «Ни с кем не были столь суровы, как с ним» (Balmes 1926b: 90), – пишет даже его критик Бальмес.

Известная политическая ирония заключалась в том, что, вопреки всем ожиданиям испанских либералов, Королевский статут не только не содействовал притеснению либерально-буржуазных свобод, но в определенный момент превратился даже в инструмент их реализации. По мере того как Нижняя палата представителей, не имея никаких властных полномочий, превращалась просто в дискуссионную площадку, настроенную оппозиционно в отношении либерально-консервативного правительства Мартинеса, депутаты все чаще начинали требовать создания, по словам Шрамма, «решительно демократической и парламентской» Конституции, не только содействуя тем самым отмене Статута как закона, который лежал в основе их деятельности (Schramm 1936: 63), но и приближая отставку Мартинеса, предоставившего им все возможности для политической деятельности. Так Мартинес становился жертвой собственного детища, притом что в истории «его (Статута. – Ю.В.) главной ценностью было то, что он начал транзит к режиму конституционной монархии» (Pro Ruiz 2010: 19).

В этом контексте необходимо предоставить слово и самому Мартинесу. Так, выступая в Кортесах, Мартинес говорит, что Статут призван «соединить воедино свободу и славу нации с крепостью и сиянием Трона» (Pérez de la Blanca Sales 2005: 289). При этом «королевская власть является единственным источником власти и единственной силой, способной гарантировать институтам процветание и длительность существования» (Pro Ruiz 2010: 19). Развивая свою мысль, Мартинес отрицает всякие намеки своих оппонентов, присутствующие и у Про Руиса (Pro Ruiz 2010: 23-24), на сходство между Статутом и Конституционной хартией Людовика XVIII (1814), которая, по словам российского правоведа и философа-неокантианца конца XIX – начала XX в. Б.А. Кистяковского, «являлась результатом не народной воли и учредительных прав нации, а следствием уступок со стороны традиционной монархической власти. Источником ее была монархия; монарх, являвшийся главою государства с незапамятных времен, учреждал ее по своей доброй воле, он дарил ее народу» (Кистяковский 1999: 492-493). В ответ же на ожидаемое утверждение прогрессистов о том, что, согласно самому же Мартинесу, Статут также не является результатом «народной воли и учредительных прав нации», он указывал, что в этом документе Кортесы являются воплощением «свободы и основополагающего обычая Испании» и речь идет не об уступках, а «о полном восстановлении фундаментальных законов Монархии» (Pérez de la Blanca Sales 2005: 289-290).

Так или иначе, Королевский статут Мартинеса, действовавший в 1834–1836 гг., вносит в политико-институциональную историю испанского конституционализма и становление Нового порядка в целом весьма существенный вклад. За написание этого документа и воплощение его в политической практике Мартинес получает из рук королевы-регентши Марии-Кристины «Великий крест Карлоса III».

Противоречивый характер деятельности Мартинеса как политического идеолога и политического практика автоматически отражается и на испанской историографии, которая распадается на три различных на-

правления. В то время как представители первого, состоящего в основе своей из современников-традиционалистов (Бальмес) и правых историков XX–XXI вв. (Соса, Л. Диес дель Корраль, Секо Серрано, П. Перес де ла Бланка Салес), продолжают помещать Мартинеса в контекст становящегося либерального консерватизма первой половины XIX в., представители второго – его соратники по Кадисским кортесам и современники-прогрессисты (Аргуэльес) – отмечают у него явный правый уклон в идейно-ценностной эволюции, неуклонно смещающий его в понятиях эпохи с позиций либерализма (в наших понятиях – либерального консерватизма) на позиции антилиберализма (традиционализма).

Наиболее тонким, с нашей точки зрения, аналитиком в этом контексте оказывается соратник Мартинеса по партии «модерадос» Боррего, который, прекрасно зная «расклады» внутри ее либерально-консервативного крыла, ранее других уловил, что он, ведомый спецификой исторического момента, непосредственно определявшей характер и вектор его политической практики, переживает всего лишь незначительный правый уклон, благодаря чему заметно сближается с представителями традиционалистского крыла партии «модерадос», но остается при этом все-таки либеральным консерватором. К интерпретации Боррего присоединяются и те левые испанские историки XIX–XX вв. (либерал Х.М. Руис Манент (Ruiz Manent 1929: 17) и социал-демократ Про Руис), которым откровенный «протоавторитаризм» Мартинеса, непосредственно зафиксированный как минимум в Королевском статуте, также не позволяет признать в нем чистого либерального консерватора. Тот факт, что к интерпретации Боррего частично присоединяется и главный современный специалист по Мартинесу позитивист Перес, лишь подтверждает тот факт, что эта группа интерпретаторов оказалась к истине ближе других.

В целом же Мартинес входит в историю Испании как один из главных «архитекторов» Нового, либерально-буржуазного, порядка, политическая система которого на философско-мировоззренческом уровне представляла собой предельную гармонизацию (в понятиях XIX в.) либеральной Свободы и традиционалистского Порядка, а на политико-институциональном – либерально-консервативный консенсус между Кортесами как символом Свободы и Коронай как символом Порядка в противовес типично традиционалистской формуле защиты «Алтаря и Трона». Исторически в той или иной степени идейно-ценностными наследниками Королевского статута являются все либерально-консервативные политико-институциональные проекты от «Либерального Союза» середины XIX в. до «Народной партии» конца XX в., в том числе и классический для Испании центристский политико-институциональный проект, созданный в середине 1870-х гг. великим А. Кановасом дель Кастильо.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Кистяковский Б.А. 1999. Государственное право (общее и русское) : Лекции Б.А. Кистяковского, читанные в Моск. коммерческом ин-те в 1908/1909 акад. году. СПб. : РХГИ. 800 с.

Плавский З.И. 1978. Испанская литература XVII – середины XIX века. М. : Высш. шк. 293 с.

Balmes J. 1925a. Consideraciones políticas sobre la situación de España // Balmes J. Escritos políticos. Barcelona : Biblioteca Balmes. T. 1: Triunfo de Espartero (mayo de 1840 – mayo de 1842). P. 23-153.

Balmes J. 1925b. Rápida ojeada sobre los principales acontecimientos políticos de Europa desde 1. de agosto de 1841 hasta el fin del mismo año // Balmes J. Escritos políticos. Barcelona : Biblioteca Balmes. T. 1. Triunfo de Espartero (mayo de 1840 – mayo de 1842). P. 195-245.

Balmes J. 1926a. Entrada del Sr. Martínez de la Rosa en el Ministerio // Balmes J. Escritos políticos. Barcelona : Biblioteca Balmes. T. 4: Constitución del primer Ministerio de Narváez (mayo – septiembre de 1844). P. 343-356.

Balmes J. 1926b. Reforma de la Constitución // Balmes J. Escritos políticos. Barcelona : Biblioteca Balmes. T. 4: Constitución del primer Ministerio de Narváez (mayo – septiembre de 1844). P. 19-140.

Borrego A. 2007. De la organización de los partidos en España, considerada como medio de adelantar la educación de la nación, y de realizar las condiciones del gobierno representativo. Madrid : Centro de Estudios Políticos y Constitucionales. 270 p.

Caballero F. 1837. El Gobierno y las Cortes del Estatuto. Materiales para su historia. Madrid : Yenes. 202 p.

Díez del Corral L. 1973. El liberalismo doctrinario. Madrid : Instituto de Estudios políticos. 688 p.

Estatuto Real de 1834 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cervantesvirtual.com/servlet/SirveObras/49134064215809640303346/> (дата обращения: 12.10.2017).

Martínez de la Rosa F. 1835. Espíritu del Siglo. T. 1. Madrid : Imprenta de don Tomas Jordan. 343 p.

Martínez Marina F. 1813. Teoría de las Cortes, ó Grandes juntas nacionales de los reinos de León y Castilla. Monumentos de su constitución política y de la soberanía del pueblo. Con algunas observaciones sobre la ley fundamental de la monarquía española sancionada por las Cortes generales y extraordinarias, y promulgada en Cádiz á 19 de marzo de 1812. 3 vols. Madrid : Imprenta de D. Fermin Villalpando.

Menéndez y Pelayo M. 1882. Martínez de la Rosa. Estudio biográfico. Madrid : Compañía de Impresores y Libreros. 60 p.

Pérez de la Blanca Sales P. 2005. Martínez de la Rosa y sus tiempos. Barcelona : Ariel. 495 p.

Pro Ruiz J. 2010. Las Constituciones españolas. Vol. 3. El Estatuto Real y la Constitución de 1837. Madrid : Iustel. 472 p.

Ruiz Manent J.M. 1929. Balmes, la libertad y la Constitución. Madrid : Pueyo. 160 p.

Schramm E. 1936. Donoso Cortés. Su vida y su pensamiento. Madrid : Espasa-Calpe. 348 p.

Seco Serrano C. 1962. Estudio preliminar // Obras de D. Francisco Martinez de la Rosa. Madrid : Atlas. P. V-CXIII.

Seco Serrano C. 1973. Tríptico carlista. Estudios sobre historia del carlismo. Barcelona : Ariel. 157 p.

Sosa L. de. 1930. Don Francisco Martínez de la Rosa, político y poeta. Madrid : Espasa-Calpe. 255 p.

Yu. Vasilenko. Korolevskiy statut F. Martinesa de la Rosy i stanovleniye novogo poryadka v Ispanii v pervoy polovine XIX veka [Royal statute of F. Martinez de la Rosa and formation of new order in Spain in the first half of the XIX century], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 55–68. (in Russ.).

Yuri V. Vasilenko, Candidate of Philosophy, Senior Lecturer, Department of Humanities, National Research University «Higher School of Economics»–Perm, Perm, Russia. E-mail: yuvasil@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-7865-6497

Article received 19.12.2017, accepted 12.03.2018, available online 01.07.2018

ROYAL STATUTE OF F. MARTINEZ DE LA ROSA AND FORMATION OF NEW ORDER IN SPAIN IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Abstract. The formation of the New – liberal-bourgeois – order in Spain lasted for almost one and a half century and experienced many «ups and downs». A milestone in this process is the Royal Statute written by an outstanding liberal conservative on the first half of the 19th century F. Martinez de la Rosa. In an effort to harmonize liberal Liberty and traditionalist Order, Martinez takes a position between left-wing liberals (progressists) and traditionalists. However, under the conditions of the liberal-bourgeois revolution and the first Carlist war, a stable political-ideological consensus between revolutionaries and conservative reactionaries was impossible. Trying to ensure the survival of the declared constitutional monarchy, Martinez was forced to make a tactical alliance with moderate traditionalists, which caused a flurry of criticism from the left. The imbalance of the political system led to the abolition of the Royal Statute and a new revolutionary cycle, in which Martinez occupies a definitely conservative position.

Keywords: Royal statute; liberal conservatism; Martinez de la Rosa; 19th century Spain.

References

Balmes J. *Consideraciones políticas sobre la situación de España* [Political considerations on the situation in Spain], *Balmes J. Escritos políticos*, Barcelona, Biblioteca Balmes, 1925, vol. 1, pp. 23-153. (in Spanish).

Balmes J. *Entrada del Sr. Martínez de la Rosa en el Ministerio* [Entry of Mr. Martinez de la Rosa in the Ministry], *Balmes J. Escritos políticos*, Barcelona, Biblioteca Balmes, 1926, vol. 4, pp. 343-356. (in Spanish).

Balmes J. *Rápida ojeada sobre los principales acontecimientos políticos de Europa desde 1 de agosto de 1841 hasta el fin del mismo año* [Quick glimpse of the main political events in Europe from August 1, 1841 until the end of the same year], *Balmes J. Escritos políticos*, Barcelona, Biblioteca Balmes, 1925, vol. 1, pp. 195-245. (in Spanish).

Balmes J. *Reforma de la Constitución* [Reform of the Constitution], *Balmes J. Escritos políticos*, Barcelona, Biblioteca Balmes, 1926, vol. 4, pp. 19-140. (in Spanish).

Borrego A. *De la organización de los partidos en España, considerada como medio de adelantar la educación de la nación, y de realizar las condiciones del gobierno representativo*

[About the organization of the parties in Spain considered as a means of advancing the education of the nation and of realizing the conditions of representative government], Madrid, Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 2007, 270 p. (in Spanish).

Caballero F. *El Gobierno y las Cortes del Estatuto. Materiales para su historia* [The Government and the Cortes of the Statute. Materials for its history], Madrid, Yenes, 1837, 202 p. (in Spanish).

Díez del Corral L. *El liberalismo doctrinario* [Doctrinal liberalism], Madrid, Instituto de Estudios políticos, 1973, 688 p. (in Spanish).

Estatuto Real de 1834 [Royal Statute of 1834], available at: <http://www.cervantesvirtual.com/servlet/SirveObras/49134064215809640303346/> (accessed October 12, 2017). (in Spanish).

Kistyakovskiy B.A. *Gosudarstvennoe pravo (obshchee i russkoe) : Lektsii B.A. Kistyakovskogo, chitannyye v Moskovskom kommercheskom institute v 1908/1909 akademicheskom godu* [State law (general and Russian). Lectures of B.A. Kistyakovskii read at the Moscow Commercial Institute in 1908/1909 academic year], St. Petersburg, RKhGI, 1999, 800 p. (in Russ.).

Martínez de la Rosa F. *Espíritu del Siglo, T. 1* [Spirit of the Century, Vol. 1], Madrid, Imprenta de don Tomas Jordan, 1835, 343 p. (in Spanish).

Martínez Marina F. *Teoría de las Cortes, ó Grandes juntas nacionales de los reinos de León y Castilla. Monumentos de su constitución política y de la soberanía del pueblo. Con algunas observaciones sobre la ley fundamental de la monarquía española sancionada por las Cortes generales y extraordinarias, y promulgada en Cádiz á 19 de marzo de 1812, 3 vols* [Theory of the Cortes, or Great national juntas of the kingdoms of León and Castilla. Monuments of its political constitution and the sovereignty of the people. With some observations on the fundamental law of the Spanish monarchy sanctioned by the General and Extraordinary Courts and promulgated in Cadiz on March 19, 1812, 3 vols], Madrid, Imprenta de D. Fermin Villalpando, 1813. (in Spanish).

Menéndez y Pelayo M. *Martínez de la Rosa. Estudio biográfico* [Martínez de la Rosa. Biographical study], Madrid, Compañía de Impresores y Libreros, 1882, 60 p. (in Spanish).

Pérez de la Blanca Sales P. *Martínez de la Rosa y sus tiempos* [Martínez de la Rosa and his times], Barcelona, Ariel, 2005, 495 p. (in Spanish).

Plavskin Z.I. *Ispanskaya literatura XVII – serediny XIX veka* [Spanish Literature of the XVII – middle of the XIX century], Moscow, Vysshaya shkola, 1978, 293 p. (in Russ.).

Pro Ruiz J. *Las Constituciones españolas. Vol. 3. El Estatuto Real y la Constitución de 1837* [The Spanish Constitutions. Vol. 3. The Royal Statute and the Constitution of 1837], Madrid, Iustel, 2010, 472 p. (in Spanish).

Ruiz Manent J.M. *Balmes, la libertad y la Constitución* [Balmes, Liberty and the Constitution], Madrid, Pueyo, 1929, 160 p. (in Spanish).

Schramm E. *Donoso Cortés. Su vida y su pensamiento* [Donoso Cortés. His life and his thought], Madrid, Espasa-Calpe, 1936, 348 p. (in Spanish).

Seco Serrano C. *Estudio preliminar* [Preliminary study], *Obras de D. Francisco Martínez de la Rosa*, Madrid, Atlas, 1962, pp. V-CXIII. (in Spanish).

Seco Serrano C. *Tríptico carlista. Estudios sobre historia del carlismo* [Carlist triptych. Studies on the history of Carlism], Barcelona, Ariel, 1973, 157 p. (in Spanish).

Sosa L. de. *Don Francisco Martínez de la Rosa, político y poeta* [Don Francisco Martínez de la Rosa, politician and poet], Madrid, Espasa-Calpe, 1930, 255 p. (in Spanish).